

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.5>

**МЕЖДУ ПОВЕСТЬЮ И ЖИТИЕМ: ТРИ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА О ГИБЕЛИ В ОРДЕ МИХАИЛА
ТВЕРСКОГО В КОНТЕКСТЕ СПОРА О ЖАНРЕ**

Научная статья

Андреева Е.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8829-3084;

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ek.andreeva17[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются три известные публикации древнерусского текста о гибели Михаила Тверского и связанная с этим полемика о жанре текста. Поиск первоисточника, наиболее ранней, лучше сохранившейся редакции был сопряжен с желанием определить круг текстов, в которые можно включить исследуемый памятник. Наличие элементов повести и жития (как мученика, так и подробного) заставляют исследователей искать ответ на вопрос о жанровой природе памятника, делая упор либо на форму текста, либо на его содержание. Очевидно, что древнерусский книжник создавал текст не по жанровому шаблону, а руководствуясь своими знаниями предшествующей христианской литературы, собственным видением ситуации, своим личным, эмоциональным отношением к герою повествования. А потому произведение не уместяется в жанровый канон, оставаясь одним из сложных, многогранных, а потому и уникальных памятников литературы Древней Руси.

Ключевые слова: житие, повесть, жанр, редакция, автор.

**BETWEEN A STORY AND A HAGIOGRAPHY: THREE PUBLICATIONS OF THE TEXT ABOUT MIKHAIL OF
TVER'S DEATH IN THE HORDE IN THE CONTEXT OF THE GENRE DISPUTE**

Research article

Andreeva E.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8829-3084;

¹ A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (ek.andreeva17[at]yandex.ru)

Abstract

The article reviews three well-known publications of the Old Russian text about the death of Michael of Tver and the related polemics about the text's genre. The search for the original source, the earliest, best preserved edition was associated with the desire to determine the range of texts, which can include the studied monument. The presence of the elements of novella and hagiography (both martyrism and detailed one) lead researchers to answer the question about the genre nature of the monument, focusing either on the form of the text or on its content. It is obvious that the Old Russian chronicler created the text not following a genre pattern, but guided by his knowledge of the preceding Christian literature, their own vision of the situation, his personal, emotional attitude towards the narrative character. Therefore, the work does not fit into the genre canon, remaining one of the complex, multifaceted, and therefore unique monuments of Ancient Rus literature.

Keywords: hagiography, novel, genre, editorial, author.

Введение

Известный текст, рассказывающий о гибели Михаила Ярославича Тверского в Орде (18 ноября 1318 г.), можно обнаружить в составе основных русских летописей, сборников, четких миней. Пространная редакция памятника неоднократно издавалась, что вызывало споры исследователей и дискуссии о первоисточнике издания и причинах его выбора, споры о трактовке лексически и синтаксически непонятных мест, а также спор о жанровой природе памятника. Изданием памятника и рассмотрением его жанровой природы занимались лишь отечественные (русские) литературоведы и историки, опираясь на известные работы (о древнерусских жанрах, типах житий) Х.М. Лопарева, С.В. Поляковой, А. Рановича, П.В. Безобразова, Н.И. Прокофьева.

В исследовании использованы методы и принципы: аналитический, сравнительно-сопоставительный, теоретико-литературный и др.

Основные результаты

Большое исследование всех редакций и списков памятника провел В.А. Кучкин и опубликовал в известной монографии, вышедшей в 1974 г., — «Повести о Михаиле Тверском» [4]. Историк установил наличие сохранившихся 8 летописных и 5 нелетописных редакций памятника. При этом опубликовать текст пространной редакции было невозможно по идеологическим соображениям, так как в советской России не принято было писать о святых. Именно В.А. Кучкин указал на то, что текст представляет крупный историко-литературный интерес, так как в нем содержатся уникальные сведения о правлении Михаила Тверского, об истории Тверского княжества, его взаимоотношениях с другими удельными княжествами северо-востока Руси. Ряд сведений носит уникальный характер (по тексту можно реконструировать процесс судопроизводства в Орде, все детали поезда князя в ставку хана топографически и

хронологически выверены), дает богатый фактический материал. При этом текст, написанный вскоре после гибели князя его духовником, игуменом Александром, тесно связан с житийной традицией, автор устанавливает параллели между случившимся в Орде в 1318 г. и ситуациями христианской истории, насыщая свое произведение как прямыми, так и неточными отсылками к Библии, Псалтири, известным житиям.

Первая публикация текста была выполнена В.И. Охотниковой по списку конца XVI — начала XVII в. из собрания Древнехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ РАН, колл. Першина, № 7. Текст был опубликован в 1985 г в сборнике «Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома» [9], а позже помещен в 6 том Библиотеки литературы Древней Руси (1999 г.) [2] и озаглавлен как «Житие Михаила Ярославича Тверского». Исследовательница пишет, что это традиционное по форме житие, которое можно поставить в один ряд с житиями-убиениями (которые традиционно называют мученическими или маририями), примером которых может служить житие Бориса и Глеба. Однако в том же самом комментарии Охотникова ссылается на то, что в тексте, помимо идеи о защите сограждан (сформулированной в словах Михаила Тверского «положити душу свою за други своя»), отражено «новое явление» в истории русской культуры – мысль о противостоянии, соперничестве князей Москвы и Твери. Очевидно, что мысль о противостоянии князей не нова для древнерусской литературы, но являлась основой для повестей о княжеских преступлениях. Однако исследовательница прямо не говорит о наличии элементов жанра повести, хотя все рассуждения ведут именно к этому.

В.А. Кучкин раскритиковал данную публикацию и опубликовал в журнале «Средневековая Русь» за тот же 1999 г. «Пространную редакцию Повести о Михаиле Тверском» [3], требуя заменить «неудачную» публикацию Охотниковой, называя свое издание текста «критическим». Оно осуществлялось не по одному, а по семи спискам XVI–XVII вв., в основу данной публикации был положен список Ундольского как наиболее древний из сохранившихся, а остальные приведены в виде вариантов в сносках. В предваряющих сам текст разъяснениях историк указал на лексические, синтаксические неточности, свидетельствующие, по его словам, о непонимании Охотниковой текста, который она взялась издавать. Также историк вступил в полемику относительно жанра древнерусского памятника, говоря, что его нельзя отнести к жанру жития. Кучкин обосновал свою точку зрения следующим образом:

1) в заголовке текста нет слова «житие» (кстати, слова «повесть» там тоже нет, чаще всего встречается «убиение», что в целом близко и жанру повести, и жанру жития-маририя),

2) две трети повести занимает рассказ о событиях последних лет жизни князя.

Однако Кучкин не решился однозначно утверждать, что перед нами повесть, и задался вопросом: «... Не является ли этот рассказ особым литературным произведением, к которому уже позднее, но вскоре после случившегося, средневековый автор приписал введение и заключение, чтобы сделать его действительно похожим на житие?» [3, С. 117]. Таким образом, Кучкин не отрицает, что по форме текст о гибели Михаила Тверского – житие, а по содержанию – повесть. Вопрос лишь в том, как примирить форму и содержание?

Годом ранее текст о Михаиле Тверском был опубликован Б.М. Клоссом во 2 т. избранных трудов – «Очерки по истории русской агиографии» [5]. В главе, посвященной тверской агиографической традиции, Клосс утверждает, что житие Михаила Тверского – древнейший ее памятник. Историк пишет, что это произведение было введено в оборот ранее под не совсем точным названием, то есть говорит о том, что его нельзя считать повестью. Клосс называет текст житием, написанным по типу житий о князьях-мучениках, хотя мотив страданий за веру отсутствует. Вернее, мотив страданий за веру подменен на идею о гражданском долге и ответственности правителя перед народом, что нужно понимать в широком христианском смысле, так как это выражено в словах Евангелия.

Каждый из исследователей, настаивающий на своем жанровом определении, тут же объясняет, что мешает тексту называться житием или повестью, а не иначе. Фактически каждый раз издатели говорят о неопределенной жанровой структуре памятника, подчеркивая его уникальность, невозможность вписать текст в принятую жанровую традицию. А. Горский постарался примирить «дискутирующих» о жанре, назвав текст житийной повестью [1, С. 137].

Однако столь ли важно дать правильное и единственно верное жанровое определение древнерусскому тексту, который, как отметили все издатели и исследователи, является уникальным? Это неординарный текст, который можно поставить в один ряд со «Словом о полку Игореве» или «Задонщиной», так как автор, очевидно, мыслит не категориями жанра, не старался (или не смог) вписаться в узкие границы одного жанра. Критериями, отличающими повесть от жития, можно считать объект изображения, идейно-тематическую структуру, приемы и способы обрисовки персонажей, принцип построения, наличие и функции символических вставных жанров (прежде всего чудес). По определению Н.И. Прокофьева, в повести участвуют исторические лица и стоящие над ними внеисторические силы, действие прерывается включением видений, знамений и плачей, а герой показан как участник исторических событий и занимает по отношению к ним служебное положение [11, С. 32]. Но Михаил Тверской – центральный образ, написанный ярко и эмоционально, поэтому, безусловно, не его гибель (как таковая) стоит в центре текста, но то, как он сознательно идет к самому сложному решению. Автор показывает перемену в психологическом состоянии героя: от непонимания, гнева, обреченности к принятию, смирению. Все это делается через цитирование стихов Псалтири, которые отражают внутренне состояние князя. Безусловно, облик главного героя сконструирован в соответствии с идеалом, что характерно, опять же по определению Прокофьева, для жития. В тексте есть (пусть и не столь подробные) упоминания о рождении, детстве, взрослении героя, рассказано о его отношениях с Юрием Московским, а посмертные чудеса призваны подтвердить святость князя-мученика.

Текст нельзя назвать сугубо фактографичным: автор, духовник князя, близкий ему человек, описывая политические, воинские деяния князя, показывая нравственный выбор героя, его пребывание в Орде и мученическую кончину, не сосредоточен лишь на изображении событий. Он драматизирует рассказ, вкладывая в уста героев (как главных, так и второстепенных, как положительных, так и отрицательных) речи, насыщенные отсылками к библейским текстом. Более того, слышен сам авторский голос, автор проявляет себя и открыто говорит об отношении к происходящему (например, эмоциональный пассаж: «Горесть бо нам воистинну, братие, в тои час бысть, видевшим

такову смерть поносную господина своего князя Михаила Ярославича» [З. С. 156]). Автор не сдерживает своих эмоций и не избегает оценочных суждений, он абсолютно четко и конкретно проявляет свое отношение к герою и его поступкам, а также к поступкам его оппонентов (как русских, так и ордынцев).

В повестях о княжеских преступлениях, широко распространенных в домонгольской литературной традиции, авторская позиция выражалась в четком противопоставлении положительных и отрицательных персонажей (что, конечно, присутствует в рассматриваемом тексте) и точном назывании имен преступников. Игумен Александр не выносит своего приговора и напрямую не называет виновных, хоть и пишет в традиционных выражениях об ордынцах. Кавгадый, безусловно, главный злодей, он неверно судит, сам является и судьей и обвинителем во время судебного процесса, клеветает и лжет, но он напрямую непричастен к гибели Михаила Тверского, не осуществляет ее. Узбек – царь, признанный легитимным правитель, принимает ложные доказательства и выносит несправедливый приговор, характеризуется через аллюзии к образам библейских злодеев. Московский князь Юрий Данилович обрисован крайне осторожно, а потому автор никогда напрямую не высказывается о московском князе, известно лишь, что по наущению дьявола, московский князь решил заполучить великокняжеский престол, не положенный ему по праву престолонаследия. Он ведет себя бесчувственно по отношению к своему дяде, не только живому, но уже убитому, но тем не менее напрямую не обвиняется как убийца. Интересная деталь, также важная для жанровой характеристики памятника, – это то, что убийца назван точно, по имени – его отношение к Орде весьма опосредованное, так как это русский с именем Роман, таким образом здесь лживые, незаконные, окающие ордынцы, во ставке которых произошел гибель героя, не являются даже исполнителями собственного приговора. Так или иначе, повести о княжеских преступлениях постепенно трансформируются, развитие жанра шло по пути обращения авторов к традициям агиографии.

Заключение

В этом смысле текст о Михаиле Ярославиче Тверском является показательным: формально, структурно и идейно оформленный как житие, он не однороден, близок к жанру повести. Подвиг тверского князя был уникальным (нельзя объяснить его как гибель за веру, это не просто смирение), а потому автор создавал текст не по жанровому шаблону, а руководствуясь своими знаниями предшествующей христианской литературы, собственным видением ситуации, своим личным, а потому эмоциональным отношением к герою повествования. Стремление дать памятнику единственно верное жанровое определение, то есть уместить его в рамки традиции, приводит к однобокому взгляду на памятник, заставляет сосредоточивать внимание на структуре в ущерб содержанию, затемняет его сложность и многогранность, а потому уникальность.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Горский А. Средневековая Русь. О чем говорят источники / А. Горский. — М.: Ломоносов, 2018. — С. 129–143.
2. Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси / Подгот. текста В.И. Охотниковой и С.А. Семячко, пер. и комм. С.А. Семячко. — Т. 6. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4976> (дата обращения: 10.05.2022).
3. Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском / В.А. Кучкин // Средневековая Русь. — М., 1999. — Вып. 2. — С. 116–163.
4. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование / В.А. Кучкин. — М.: Наука, 1974. — 291 с.
5. Клосс Б.М. Очерки по истории русской агиографии / Б.М. Клосс // Избранные труды: в 2 т. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 175–201.
6. Конявская Е.Л. Жанрово-композиционное своеобразие древнерусской повести о Михаиле Ярославиче Тверском / Е.Л. Конявская // Вопросы сюжета и композиции. — Горький, 1985. — С. 14–19
7. Конявская Е.Л. Житие Михаила Ярославича: герой и его враги / Е.Л. Конявская // Очерки по истории тверской литературы XIV–XV века. — М., 2007. — С. 28–46.
8. Минеева С.В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких) / С.В. Минеева. — Курган, 1999. — С. 109–140.
9. Охотникова В.И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском / В.И. Охотникова // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Сборник научных трудов. — Л., 1985. — С. 16–27.
10. Пак Н.И. Историческая основа повестей и житий о князьях, погибших в Орде в XIII–XIV вв. / Н.И. Пак // Художественно-документальная литература (история и теория). Межвузовский сборник научных трудов. — Иваново, 1984. — С. 13–19.
11. Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. / Н.И. Прокофьев // Литература Древней Руси. — Вып. 1. — М., 1975. — С. 5–39.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gorskij A. Srednevekovaya Rus'. O chem govoryat istochniki [Medieval Russia. What Are the Sources Talking About] / A. Gorskij. — M.: Lomonosov, 2018. — P. 129–143 [in Russian].
2. ZHitie Mihaila YAroslavicha Tverskogo [The Life of Mikhail Yaroslavich Tversky] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of Literature of Ancient Russia] / text preparation by V.I. Ohotnikova and S.A. Semyachko, translation and comments by S.A. Semyachko. — Vol. 6. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4976> (accessed: 10.05.2022) [in Russian].
3. Kuchkin V.A. Prostrannaya redakciya Povesti o Mihaile Tverskom [A Lengthy Edition of the Story about Mikhail of Tver] / V.A. Kuchkin // Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia]. — M., 1999. — No. 2. — P. 116–163 [in Russian].
4. Kuchkin V.A. Povesti o Mihaile Tverskom. Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie [The Story of Mikhail of Tver. Historical and Textual Research] / V.A. Kuchkin. — M.: Nauka, 1974. — 291 p. [in Russian]
5. Kloss B.M. Ocherki po istorii russkoj agiografii [Essays on the History of Russian Hagiography] / B.M. Kloss // Izbrannye trudy [Selected Works]: in 2 vol. — M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2001. — P. 175–201 [in Russian].
6. Konyavskaya E.L. ZHANrovo-kompozicionnoe svoeobrazie drevnerusskoj povesti o Mihaile YAroslaviche Tverskom [Genre-Compositional Originality of the Old Russian Story about Mikhail Yaroslavich Tversky] / E.L. Konyavskaya // Voprosy syuzheta i kompozicii [Plot and Composition Issues]. — Gorky, 1985. — P. 14–19 [in Russian]
7. Konyavskaya E.L. ZHitie Mihaila YAroslavicha: geroy i ego vragi [The Life of Mikhail Yaroslavich: the Hero and His Enemies] / E.L. Konyavskaya // Ocherki po istorii tverskoj literatury XIV–XV veka [Essays on the History of Tver Literature of the XIV–XV Centuries]. — M., 2007. — P. 28–46 [in Russian].
8. Mineeva S.V. Problemy kompleksnogo analiza drevnerusskogo agiograficheskogo teksta (na primere ZHitiya prep. Zosimy i Savvatiya Soloveckih) [Problems of Complex Analysis of the Old Russian Hagiographic Text (on the example of the Life of St. Zosima and Savvati Solovetskys)] / S.V. Mineeva. — Kurgan, 1999. — P. 109–140 [in Russian].
9. Ohotnikova V.I. Prostrannaya redakciya Povesti o Mihaile Tverskom [A Lengthy Edition of the Story about Mikhail of Tver] / V.I. Ohotnikova // Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo Doma. Sbornik nauchnyh trudov [Old Russian Bookishness'. Based on the materials of the Pushkin House. Collection of scientific papers]. — L., 1985. — P. 16–27 [in Russian].
10. Pak N.I. Istoricheskaya osnova povestey i zhitij o knyaz'yah, pogibshih v Orde v XIII–XIV vv. [The Historical Basis of the Stories and Lives of the Princes Who Died in the Horde in the XIII–XIV Centuries] / N.I. Pak // Hudozhestvenno-dokumental'naya literatura (istoriya i teoriya). Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Fiction and Nonfiction (History and Theory). Interuniversity collection of scientific papers]. — Ivanovo, 1984. — P. 13–19 [in Russian].
11. Prokof'ev N.I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ya i sisteme zhanrov russkoj literatury XI–XVI vv. [Russian Medieval Worldview and the System of Genres of Russian Literature of the XI–XVI Centuries] / N.I. Prokof'ev // Literatura Drevnej Rusi [Literature Of Wooden Russia]. — No. 1. — M., 1975. — P. 5–39 [in Russian].